

ИЗД. І. КНЕБЕЛЬ
МОСКВА

КАКЪ МЫШИ КОТА
ХОРОНИЛИ
СОЧ. В. ЖУКОВСКАГО
РИС. Г. НАРБУТЬ

СОЛНЦУ, ЗВѢЗДАМЪ И ЛУНѢ,

ДѢТЯМЪ ВСѢМЪ ВО ВСЕЙ СТРАНѢ

ГЕОРГИИ НАРБУТЪ

ошачій родъ давно враждуетъ съ мышинымъ. Но этотъ хитрый Котище Ѳедотъ Мурлыка для насъ наказанье Божіе. Вотъ какъ я съ нимъ познакомился. Глупымъ мышенкомъ былъ я еще и не зналъ ничего. И мнѣ захотѣлось высунуть носъ изъ подполья. Но мать Царица Прасковья съ крысой Онуфриемъ крѣпко-накрѣпко мнѣ запретили норку мою покидать; но я не послушался, въ щелку выглянулъ: вижу камнемъ выстланный дворъ; освѣщало солнце его, и окна огромнаго дома свѣтились; птицы летали и пѣли. Глаза у меня разбѣжались.

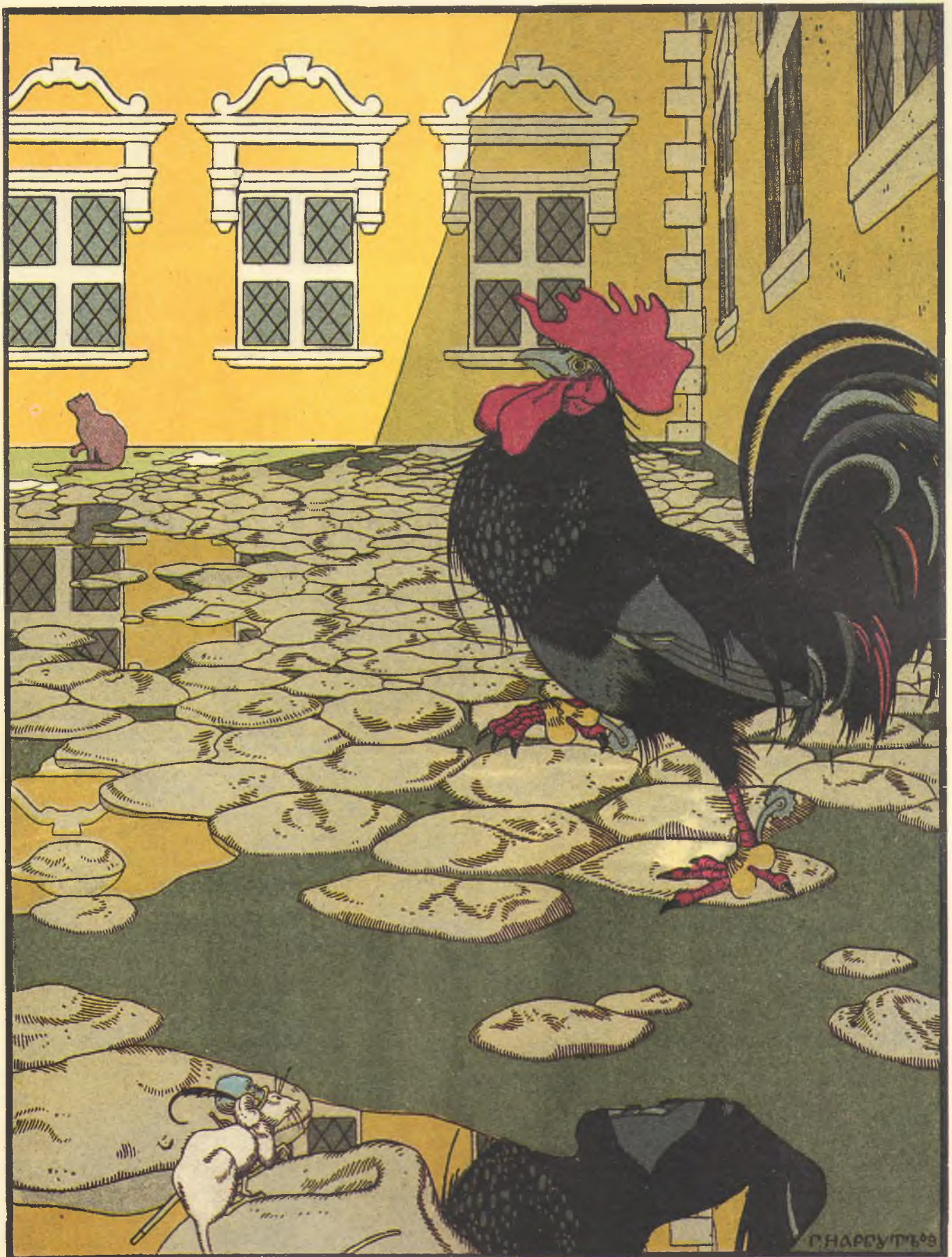

Выйти не смѣя, смотрю я изъ щелки и вижу на дальнемъ краѣ двора звѣрёкъ усастый, сизая шкурка, розовый носъ, зеленые глазки, пушистыя уши, тихо сидитъ и за птичками смотреть; а хвостикъ, какъ змѣйка, такъ и виляетъ. Потомъ онъ своею бархатной лапкой началъ усатое рыльце себѣ умыть. Облилося радостью сердце мое, и я ужъ собирался покинуть щелку, чтобъ съ милымъ звѣрькомъ познакомиться. Вдругъ зашумѣло что-то

вблизи; оглянувшись, такъ я и обмеръ. Какой-то страшный уродъ ко мнѣ подходилъ; широко шагая, черныя ноги свои подымалъ онъ, и когти кривые съ острыми шпорами были на нихъ; на уродливой шеѣ длинныя косы висѣли змѣями; носъ крючковатый; подъ носомъ трясся какой-то мохнатый мѣшокъ и, какъ-будто красный съ зубчатой верхушкой колпакъ, съ головы перегнувшись, по носу бился, а сзади какіе-то длинныя крючья разнаго цвѣта торчали снопомъ. Не успѣлъ я отъ страха въ память притти, какъ съ обоихъ боковъ поднялись у урода словно какъ парусы, начали хлопать, и онъ, раздвоивши острый носъ свой, такъ заоралъ, что меня какъ дубиной треснуло. Какъ прибѣжалъ я назадъ въ подполье, не помню. Крыса Онуфрій, услышавъ о томъ, что случилось со мною, такъ и ахнулъ. „Тебя помиловалъ Богъ,—онъ сказалъ мнѣ,—свѣчку ты долженъ поставить уроду, который такъ кстати крикомъ своимъ тебя испугалъ; вѣдь это нашъ добрый сторожъ пѣтухъ; онъ горланъ и съ своими большою забяка; намъ же, мышамъ, онъ приноситъ и пользу: когда закричитъ онъ, знаемъ мы всѣ, что проснулись наши враги; а приятель, такъ оболъстившій тебя своей лицемѣрною харей, былъ не иной кто, какъ нашъ злодѣй записной, объѣдало котъ Мурлыка; хорошъ бы ты былъ, когда бы съ знакомствомъ къ этому плуту подѣхалъ: тебя-бъ онъ порядкомъ погладилъ бархатной лапкой своею; будь же впередъ остороженъ“.

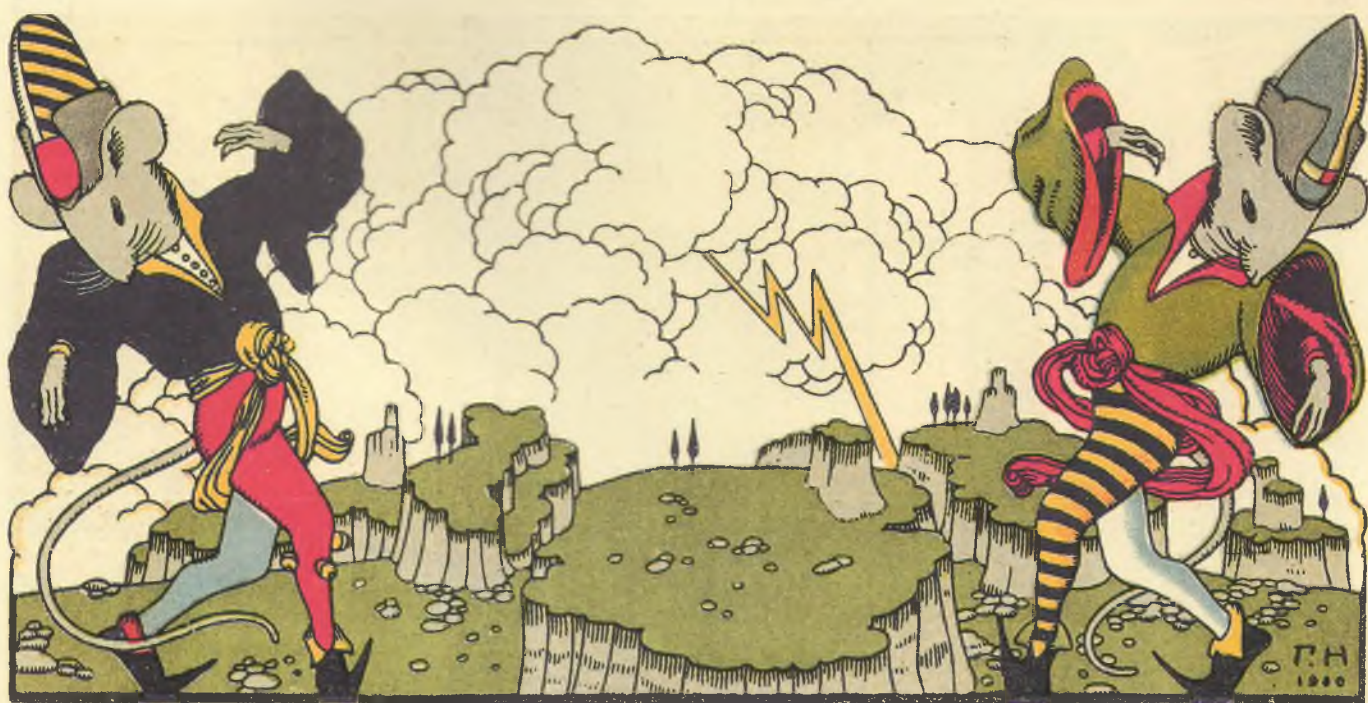

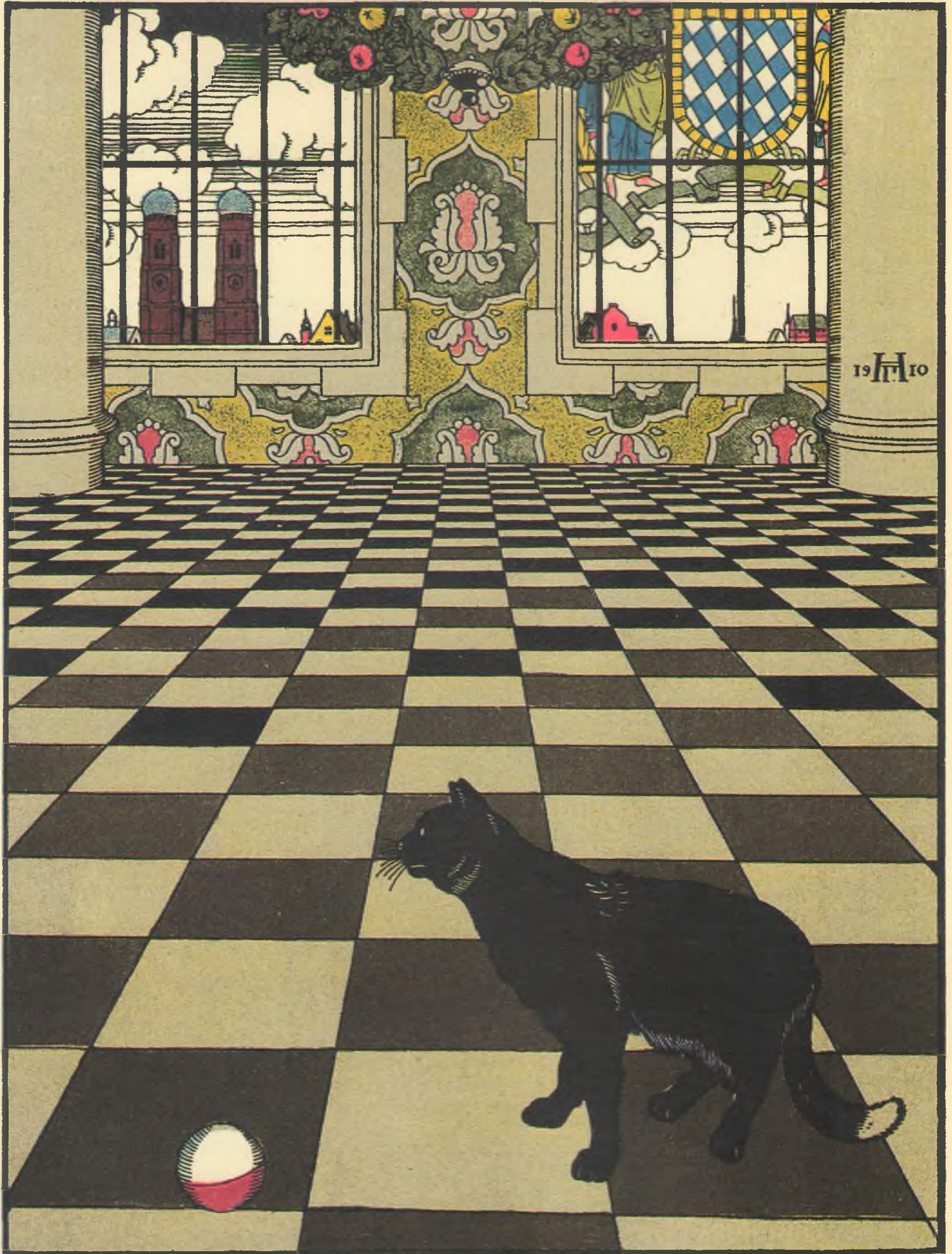

олго рассказывать мнѣ объ этомъ проклятомъ Мурлыкѣ; каждый день отъ него у насъ недочетъ. Расскажу я только то, что случилось недавно. Разнесся въ подпольѣ слухъ, что Мурлыку повѣсили. Наши лазутчики сами видѣли это глазами своими. Вскружилось подполье; шумъ, бѣготня, пискотня, скаканье, кувырканье, пляска—словомъ, мы всѣ одурѣли, и самъ мой Онуфрій премудрый съ радости такъ напился, что подрался съ царицей и въ дракѣ хвостъ у нея откусилъ, за что былъ и высѣченъ больно. Что же случилось потомъ? Не развѣдавши дѣла порядкомъ, вздумали мы кота погребать, и надгробное слово тотчасъ поспѣло. Его сочинилъ поэтъ нашъ подпольный Климъ, по прозванью Бѣшеный Хвостъ; такое прозванье дали ему за то, что, стихи читая, всегда онъ въ мѣру вилялъ хвостомъ, и хвостъ, какъ маятникъ, стучалъ. Все изготовивъ, отправились мы на поминки къ Мурлыкѣ; вылѣзло множество насъ изъ подполья; глядимъ мы, и вправду котъ Мурлыка въ ветчйнѣ виситъ на бревнѣ, и повѣшенъ за ноги, мордою внизъ; оскалены зубы; какъ палка вытянуть весь; и спина, и хвостъ, и переднія лапы словно какъ мерзлыя; оба глаза глядятъ не моргая. Всѣ запищали мы хоромъ: „Повѣшенъ Мурлыка, повѣшенъ котъ окаанный;

довольно ты, котъ, погулялъ; погуляемъ нынче и мы“. И шесть смѣльчаковъ тотчасъ взобралися вверхъ по бревну, чтобъ Мурлыкины лапы распутать, но лапы сами держались, когтями вцѣпившись въ бревно, а веревки не было тамъ никакой, и лишь только къ нимъ прикоснулись наши ребята, какъ вдругъ распустилися когти, и на полъ хлопнулся котъ, какъ мѣшокъ. Мы всѣ по угламъ разбѣжались въ страхѣ, и смотримъ, что будетъ. Мурлыка лежитъ и не дышитъ, усъ не тронется, глазъ не моргнетъ; мертвецъ да и только. Вотъ, ободрясь, изъ угловъ мы къ нему подступать понемногу начали; кто посмѣлѣе, тотъ дернетъ за хвостъ, да и тягу дастъ отъ него; тотъ лапкой ему погрозитъ; тотъ подразнитъ сзади его языкомъ; а кто еще посмѣлѣе, тотъ, подкравшись, хвостомъ въ носу у него пощекочетъ. Котъ ни съ мѣста, какъ пень. „Берегитесь,—тогда намъ сказала старая мышь Степанида, которой Мурлыкины когти были знакомы (у ней онъ весь задъ ободралъ, и насилу какъ-то она отъ него уплелась)—берегитесь: Мурлыка старый мошенникъ; вѣдь онъ висѣлъ безъ веревки, а это знакъ недобрый; и шкурка цѣла у него“. То услыша, громко мы всѣ засмѣялись. „Смѣйтесь, чтобъ послѣ не плакать, мышь Степанида сказала опять, а я не товарищъ вамъ“. И поспѣшно, созвавъ мышенятокъ своихъ, убралася съ ними въ подполье она. А мы принялись, какъ шальные, прыгать, скакать и кота тормошить. Наконецъ, поуставши, всѣ мы усѣлись въ кружокъ передъ мордой его, и поэтъ нашъ Клима, по прозванію Бѣшенный

1910

Хвостъ, на Мурлыкино пузо взлѣзши, началъ оттуда читать намъ надгробное слово, мы же при каждомъ стихѣ хохотать; и вотъ что прочелъ онъ: «Жилъ Мурлыка; былъ Мурлыка котъ Сибирскій, ростъ богатырскій, сизая шкурка, усы какъ у турка; былъ онъ бѣшенъ, на кражѣ помѣшанъ, за то и повѣшенъ, радуйся, наше подполье!»... Но только успѣлъ проповѣдникъ это слово промолвить, какъ вдругъ нашъ покойникъ очнулся. Мы бѣжать... Куда ты! Пошла ужасная травля. Двадцать изъ насъ осталось на мѣстѣ, а раненыхъ втрое болѣе было. Тотъ воротился съ ободраннымъ пузомъ, тотъ безъ уха, другой съ отѣденной мордой; иному хвостъ былъ оторванъ; у многихъ такъ страшно искусаны были спины, что шкурки мотались какъ тряпки; царицу Прасковью чуть успѣли въ нору уволочь за заднія лапки; царь Иринарій спасся съ рубцомъ на носу; но премудрый крыса Онуфрій съ Климомъ поэтому достались Мурлыкѣ прежде другихъ на обѣдъ.

Такъ кончился пиръ нашъ бѣдою.

Факсимильное издание
Москва "Книга" 1989